
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

DOI: 10.17805/ggz.2017.6.1

Полевой и сферный подходы в гуманитарных науках*В. А. Луков**Московский гуманитарный университет*

В статье показываются полевой подход, введенный в психологию Куртом Левином и в социологию Пьером Бурдьё, а также теория тезаурусных сфер, разработанная Вл. А. Луковым, их связь с ценностными силами в субъектной организации знаний и поведения. Утверждается, что в разнообразии сфер на уровне полей субъектность и получает импульс для своего развития и применения, что и требует учета в гуманитарных науках.

Ключевые слова: философия культуры; социология культуры; психология; теория поля в гуманитаристике; тезаурусный подход; тезаурусная сфера; гуманитарные науки

The Field and Sphere Approaches in the Humanities*V. A. Lukov**Moscow University for the Humanities*

The article examines the field approach introduced in psychology by Kurt Lewin and in sociology by Pierre Bourdieu as well as the theory of the thesaurus spheres proposed by Vl. A. Lukov, their connection with value forces in the subjective organization of knowledge and behavior. It is argued that subjectivity receives a boost for its development and application in the diversity of spheres on the level of fields. This demands a consideration in the humanities.

Keywords: philosophy of culture; sociology of culture; psychology; theory of field in the humanities; thesaurus approach; thesaurus sphere; the humanities

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX и начало XXI в. в науке характеризуются изменением роли субъектности (выступающей под разными названиями — также и субъективности, субъективного фактора и т. д.) как основы гуманитар-

ных наук. Собственно, этот процесс начался по крайней мере с признания ценностного основания этих наук как наук о духе или наук о культуре в Баденской школе неокантианства (Луков, 2017). Но это не была общая позиция в науковедении, и еще десятилетия субъективность в науке отождествлялась с преднамеренной ошибкой, невежеством, неведением статистическими методами и т. д. Даже и тем школам, которые возникали в методологическом поле аксиологии, бросался упрек в отрицании количественных методов науки (например, У. Томасу и Ф. Знанецкому как выразителям подходов Чикагской социологической школы). Хотя еще в книге 1910 г. «Понятие о субстанции и понятие о функции. Исследование фундаментальных вопросов критики познания» тогда еще представитель Марбургской школы неокантианства, разрабатывавший теорию познания в свете естествознания, Э. Кассирер доказал, что качественная и количественная стратегии не противоречат, а дополняют друг друга, причем и в математике, и в других науках (Cassirer, 1994).

В конце XX в. ситуация заметно изменилась. Во-первых, субъектность перестала признаваться ненаучным подходом, во-вторых, субъектность получила равные права с объектностью, стал очевиден феномен, пользуясь словами видного французского социолога П. Бурдьё, «объективности субъективного» (Бурдьё, 2001: 266–280), в-третьих, эта субъективность отодвинула в тень выводы структурного функционализма, который перестал быть ведущей парадигмой социального и гуманитарного знания, хотя и остался одной из объяснительных концепций. Бурдьё подчеркивает: «Символическая борьба всегда более эффективна (и потому реалистична), чем это полагает экономический объективизм, — и гораздо менее, чем это представляет чистый социальный маргинализм» (там же: 278). Нарастающая субъектность в гуманитарных науках частично объясняется теорией смены научных парадигм Т. Куна, хотя неопределенным остается, почему такая смена потребовалась и отчего именно субъектность стала ее знаменем. Целью статьи и будет такое рассмотрение оснований обращения в гуманитарных науках к сферному и полевому подходам как к выражению в них (гуманитарных науках, к которым мы относим и так называемые социальные науки, поскольку между теми и другими не установлены барьеры ни в формальном науковедческом отношении, ни по существу изучаемых ими качеств человека и его мира) нарастания роли субъектности.

ТЕОРИЯ ПОЛЯ В ПСИХОЛОГИИ

По крайней мере с 1940-х годов теория поля утверждается в психологии благодаря работам Курта Левина (1890–1947). Небезынтересно, что в психологию теория поля была имплементирована под воздействием точных наук (в это время эта теория успешно развивалась в математике и естествознании) именно для укрепления психологии как объективной науки. Такова была и идея К. Левина: опереться на точные науки, чтобы к их числу принадлежала и психология, которая таковой не воспринималась, пока занималась душой и прочими неосязаемыми сторонами жизнедеятельности человека. Но более, как нам представляется, важны наблюдения К. Левина в качестве участника Первой мировой войны, служившего в немецкой армии, над тесной связью восприятия воюющими солдатами внешнего окружения под влиянием среды и условий пребывания и его вывод о коренном различии восприятия окружающего мира (ландшафта, в частности) фронтовиками от его восприятия гражданским населением. Эта идея обнаруживается уже в работе столетней давности – первой публикации Левина-психолога в «Журнале прикладной психологии» (Lewin, 1917). В действительности это и привело К. Левина к полевой теории, поскольку предметы действительности многообразны и не обязательно предназначены для мирной и военной жизни, но воспринимаются как к этим целям предназначенные в зависимости от того, кто и в какой связи является носителем этого восприятия. Кроме того, само окружение не представляет собой константу, и индивид в нем перемещается и развивается вместе с этим окружением, которое тоже перемещается и развивается. Теория поля в подобных случаях хорошо применима, поскольку не связывает участников событийного ряда со структурами и конструированием мира исследователем. Надо, конечно, учитывать и стремление К. Левина сделать психологию экспериментальной наукой, но не в смысле В. Вундта, поскольку психология К. Левина — это динамическая психология (Левин, 2001).

Что есть теория поля, на которую опирался К. Левин? Он понимал поле (психологическое поле) как некоторую часть социального пространства, которую предопределяет некая сила, т. е. энергия, активное свойство, направляющее субъекта в ту или иную сторону. Поле как подпространство, таким образом, характеризуется некоторыми особыми свойствами, которых нет у других подпространств.

Математизируя понятие поля, Левин считал, что все человеческое поведение может быть выражено формулой dx/dt , т. е. данная формула предполагает с необходимостью некоторое состояние поля в данную единицу времени. Это важное положение его теории поля: только детерминанты поведения в актуальной ситуации (т. е. в том, что происходит здесь и сейчас) составляет свойства поля. Хотя жизненное пространство имеет временное измерение, только современность оказывает на него свое воздействие. Левин писал: «Одно из основных утверждений психологической теории поля может быть сформулировано следующим образом: всякое поведение или всякое изменение в психологическом поле зависит только от психологического поля в тот момент времени» (Левин, 2000: 66). Это совершенно соответствует выделенному Вл. А. Луковым применительно к субъектной культурологии «парадоксу Элиота»: выдающийся и крупнейший в XX в. англо-американский поэт Т. С. Элиот располагал все литературные тексты, когда бы они ни были созданы, в плоскости современности (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 369–371; Луков Вл., 2012). Это одна из важных основ тезаурусного подхода к культурологии. В той же мере трактовка теории поля Левиным близка форсологии (установления «сильных» влияний в сфере культурологии) в тезаурусном подходе.

Важнейшие признаки теории поля Левин усматривал в шести позициях: «использование конструктивного, а не классифицирующего метода; интерес к динамическим аспектам событий; психологический, а не физический подход; анализ, который начинается с ситуации в целом; разграничение между систематическими и историческими проблемами; математическое представление поля» (Левин, 2000: 81). Иными словами, он видел в теории поля преимущественно методологию исследования, а не сущность полевого взаимодействия субъектов жизнедеятельности (индивидов, групп, больших социальных общностей). Но в действительности это не всегда было так.

К. Левин стремился к точности в психологии, но приоткрыл дверь для более широкой ее трактовки, временами сам подчеркивал соединение психологии с социологией, антропологией и другими гуманитарными науками. Он дал и новые подходы к принятым там понятиям, в частности, к понятию ценности. Его трактовка выглядит так: «Подобно термину “идеология” термин “ценность” является довольно неясным понятием в психологии. Ценности оказывают влия-

ние на поведение, но не имеют характера цели (то есть силового поля). Например, индивид не пытается “достичь” ценности честности, но “честность” руководит его поведением. Вероятно, верным будет сказать, что ценности определяют то, какие типы деятельности имеют положительную, а какие отрицательную валентность для индивида в данной ситуации. Другими словами, ценности не являются силовыми полями, но “наводят” на силовые поля» (Левин, 2000: 63). Здесь, очевидно, работает не столько методология эксперимента, сколько концептный строй мысли, раскрытый позже тезаурусным подходом. Собственно, на теории поля строится теория личности К. Левина, которую он формировал, с одной стороны, как вариацию гештальтпсихологии, а с другой, как обобщение экспериментов, из которых наибольшее значение он придавал экспериментам из дипломной работы своей ученицы по Берлинскому университету Б. В. Зейгарник, показавшей, что незавершенные действия запоминаются лучше, чем завершенные («эффект Зейгарник»). Лучшее и наиболее тщательное изложение этих экспериментов, проведенных в 1924–1926 гг., представлено в статье Б. В. Зейгарник, опубликованной в «Психологических исследованиях» в 1927 г. (Zeigarnik, 1927). Эти эксперименты подробно описаны К. Левиным в статье 1940 г. «Формализация и прогресс в психологии», открывающей составленную Д. Картрайтом из его немецких статей 1940-х годов книгу «Теория поля в социальных науках» (Lewin, 1951).

Теории психологического поля оказалась серьезным продвижением психологии к более совершенной теории личности. Это в последствии отмечали и его ученики и соратники (Зейгарник, 1981), развивая отдельные стороны внесенных Левиным новшеств, например, значение социальных сил (Cartwright, 1959). Валентность (энергетический «заряд») предметов (в том числе виртуальных, существующих лишь в сознании), в окружении которых живет человек (они имеют внешнее влияние на его поведение) и которые вызывают его потребности (внутреннее влияние), требует удовлетворения («разрядки»). Полевое предметное окружение дает импульс для волевого поведения, которое и определяет включенность человека в жизненное пространство, строит его целостное восприятие себя и окружающего мира, где сливаются в настоящем его прошлое и будущее. Анализ силового поля стал одной из доминант психологии и связал факторы, считавшиеся собственно психологическими, с соци-

альной средой и социальными ситуациями. Движение к цели или блокировка этого движения обрели значимость как важнейшие характеристики социальных сил. Таким образом, теория поля вышла за пределы психологии и расширилась до социальных наук в целом, что и отразилось как в статьях К. Левина, так и в названии книги, составленной из этих статей. Не удивительно, что полевой подход приобрел особую значимость в таких сферах, как организационное развитие, управление процессами и управление изменениями. Например, работавший в университете Мичигана Джон Френч (1913–1995), один из лучших учеников К. Левина, связал теорию поля своего учителя с организационными и промышленными установками (House, 1993). Когнитивная модель принятия решений, построенная на теории поля, позволяет уйти от рациональной и нормативной моделей этого процесса, т. е. от представления, как должны приниматься решения, к фактическому принятию решений с учетом динамического действия многообразных факторов. В этом направлении теория поля принятия решений начала разрабатываться с 1993 г. (Busemeyer, Townsend, 1993) и особое развитие получила в начале 2000-х годов (Busemeyer, Diederich, 2002; Busemeyer, Johnson, 2004; 2008). Тогда же развивается и применение нейронауки к этой модели, что дало возможность объяснить и исследовать сложные процессы принятия решений, учитывать, среди прочего, и контекстные эффекты, которые при этом возникают (Busemeyer, Jessup, Johnson, Townsend, 2006).

ТЕОРИЯ ПОЛЯ В СОЦИОЛОГИИ

В социологии теория поля (фр. поле — *champ*) получила известность благодаря в первую очередь работам выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё (1930–2002). Его центральное понятие в социологии — социальное пространство, в котором он видит (строит его теорию) разрыв (и даже серию разрывов) с марксизмом: реальность класса собственников vs теоретическое построение такого класса, экономизм как редукция реальности и т. д. (Бурдьё, 1993: 55). В этом отношении идея социального пространства хоть и несколько неопределенна, но на уровне концепта (в смысле тезаурусного подхода) вполне ясна. Как ясно и то, что социальное пространство у Бурдьё выступает как совокупность полей, представляющих устойчивые связи между определенным образом дифференцирован-

ными позициями людей. Соответственно, он выделяет такие соединения позиций в полях религии, права (тематика власти), экономики, литературы, науки и т. д. Именно по такому принципу собраны работы Бурдьё в издании «Социальное пространство: поля и практики», составленном Н. А. Шматко (Бурдьё, 2005). Здесь появляются и такие темы, как производство веры и вклад в экономику символических благ, мужское господство, социальные условия международной циркуляции идей и др., что свидетельствует, что теория поля продуктивна как социологически ориентированная позиция. Одна из основ такой продуктивности — представление об автономности полей, хотя Бурдьё признает неполноту такой автономности и подчиняет ее в определенном смысле полю экономики с присущей этому полю конкуренцией и беспрестанной борьбой.

Автономное поле удерживается от распада некими силами, которые составляют его капитал (в основе — любой вид культурного, социального или экономического капитала, а также символического капитала: как отмечает Р. Дженкинс, специфику символического капитала составляют престиж и социальная честь — Jenkins, 2002, таким образом, применительно к полям социального пространства надо рассматривать четыре вида капитала). Общество представляет собой переплетение полей, и у каждого из них своя логика и свои правила, их единство обеспечено стремлением к выживанию и утверждению нового взамен старого.

Идеи Бурдьё, в частности, трактовка полей как подпространств социального пространства восприняты в мировой науке и часто комментируются в социологии и ее отраслях, например, в ключе социолингвистики и др. (Grenfell et al., 2011; Grenfell, 2012; Bokhorst-Heng, Silver, 2017). В тесной связи с принципами исследования Бурдьё показываются в литературе его методы сбора и анализа данных, включая количественную и качественную стратегии (Grenfell, Lebaron, 2014).

Впрочем, полевой подход Бурдьё может быть и свидетельством его внутренней интеллектуальной деятельности, в частности, отхода от структурализма, к которому он был привязан в молодости: например, его замена термина «субъект» на «агент» не имеет какого-то иного обоснования, кроме разрыва со структурализмом. Возможно, и поля он трактовал иначе, чем это воспринимается теми, кто видит их как перенесение физических трактовок внешнего мира в социальную область.

Но внимание к полевой теории и в этом случае знаменательно.

ТЕЗАУРУСНАЯ СФЕРА

Теория тезаурусных сфер была разработана видным российским культурологом и литературоведом Вл. А. Луковым (1948–2014) для целей применения тезаурусного подхода к той части тезауруса субъекта (индивида, группы, сообщества и т. д.), которая встраивает в субъектно ориентированное знание нередко не осознаваемые или плохо осознаваемые образы и средства их сохранения, передачи, переосмысления от одних носителей тезауруса к другим без детального освоения самих образов (таковы, например, чашки, платки, другие сувениры с изображением шекспировских, пушкинских или толстовских героев). Последняя из статей Вл. А. Лукова содержала подход к теории тезаурусных сфер (Луков, 2014). В результате обстоятельного анализа содержания понятия «сфера» и ее концептного представления через четыре образа: шар, поверхность шара, пространственная модель мира, слой в шарообразной модели, он показал, что тезаурусная сфера реализует этот последний образ, что и отразил в кратком изложении концепции тезаурусной сферы: «Тезаурусная сфера — специализированное образование культурного тезауруса (всеобщего, общего, группового, индивидуального), группирующее с максимально возможной полнотой информацию об одной из констант центра тезауруса. Тезаурусная сфера сопоставима со слоем в шарообразной модели тезауруса, внутри себя подчиняется действию парадокса “равной ценности”, представляющего как одинаково высокоценное важное и неважное, высокое и низкое, реальное и виртуальное. Но среди сфер в тезаурусе выстраивается определенная иерархия, есть сверхценные сферы (что объясняет появление «физиков» и «лириков», пушкиноведов и толкинистов, спортсменов и политиков). Сферы тезауруса вступают в диалогическое взаимодействие между собой и участвуют в поддержании единства тезаурусной (культурной) картины мира. Содержание сфер может функционировать как в полной (полнотекстовой), так и свернутой, символической, формульной, невербальной, установочной формах, что расширяет возможности и выводы анализа о влияниях центральных фигур и явлений (констант тезауруса) на реальные культурные процессы» (там же: 322).

Такое понимание сферы во многом пересекается с теорией по-

ля: энергетический ракурс поля снимает вопрос о его (поля) границах, подобных границам материальных объектов, но их невидимость, как и невидимость поля как такового, не мешает ему проявлять себя.

Теория тезаурусных сфер стала обобщением обширных работок Вл. А. Лукова и его коллег по ИФПИ такой темы, как шекспиросфера (Луков, 2010; Луков, Захаров, 2008), включая и электронные публикации (Луков, Захаров, Луков, Гайдин, 2012: Электронный ресурс). Шекспиросферу Вл. А. Луков определил как сферу культуры человечества, содержанием которой является вся совокупность взаимодействий феномена Шекспира как одной из мировых тезаурусных констант с культурной жизнью человечества (Луков, 2014: 312). В том же ключе выполнены исследования Вл. А. Лукова о Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, А. С. Пушкине, которые он представил в своих статьях последних лет.

В ЧЕМ СМЫСЛ ОБРАЩЕНИЯ ГУМАНИТАРИСТИКИ К ТЕОРИИ ПОЛЯ И ТЕОРИИ ТЕЗАУРУСНЫХ СФЕР?

Психологические труды К. Левина, социологические П. Бурдьё, культурологические Вл. А. Лукова и их последователей имеют существенные различия по области применения, времени появления, характеру понимания человека и общества. Но в то же время их нечто объединяет, что сразу не бросается в глаза, кроме разве что того, что это области гуманитарного знания, понимаемого очень широко. Сравнение показывает, что это нечто относится к необходимости сочетать несочетаемое, что Ж. Т. Тощенко назвал кентавр-проблемами (Тощенко, 2005; 2015; Луков, 2015), но несочетаемые сущности настолько срослись, что их даже в аналитических целях не стоит разделять, чтобы не потерять целое.

Параллель поискам в области полевого и сферного подходов в гуманитарных науках дает размышление Л. Н. Толстого по поводу научных оснований истории во второй части эпилога «Войны и мира» и в разъяснениях в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»», где он выявляет сложность сочетания на практике свободы и необходимости на уровне индивида, но также и на уровне войска и армии целой страны, и исторических личностей вроде Наполеона и Александра I — что в исторических трудах Тьера и других историков войны 1812 г. игнорируется или искажается (Толстой,

1963: 388–389). Много выше, при описании Бородинской битвы Л. Н. Толстой показывает, что выигрывает тот, кто меньше себя жалеет, кто отличается незримым *духом* войска, а в массе не удачной позицией для боя, численным превосходством, правильной диспозицией и другими видимыми факторами. Очевидно, что здесь идет речь о полевом факторе (энергетике реальных участников противостояния не на жизнь, а на смерть), что не заметно на учениях и учебных маневрах, не опасных для жизни человека как части целого (войска), принудительная сила которого (этого целого) видна даже больше, чем на войне. Итак, повышение роли субъектности возникает в условиях роста опасности для субъекта, и оно выражается в таком переструктурировании внутреннего и внешнего мира, которое бы обеспечивало выживание субъекта.

От позиции Л. Н. Толстого обратимся к проблемам применения в гуманитарных науках полевого и сферного подходов. Они опираются на применение ценностей как того невещественного фактора, который предопределяет выбор субъектом стратегии действия, когда есть множество факторов вещественных, но они разнородны и нередко противоположны друг другу. Такова теория личности и вытекающие из нее следствия у К. Левина, таков символический капитал у П. Бурдьё, таков парадокс «равных ценностей» у Вл. А. Лукова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория поля в физике выполняет иную роль, нежели полевой подход в гуманитарных науках. Тоже относится к теории тезаурусных сфер. В философии и социологии культуры, в психологии теория поля и понятие сферы отражают скорее концепты, т. е. сочетания понятия и образа при определенной эмоциональной окраске. Для всей гуманитаристики это важно: ценности как магнит притяжения подобен полевому взаимодействию, на чем и строится аналогия. Только структуры и их функции и даже дисфункции не объяснят сложность человека и мира, в котором он живет. Субъект проявляется в сферах жизнедеятельности, не сосредотачиваясь на их несогласованности между собой. Для жизнедеятельности это не только не важно, но в разнообразии сфер на уровне полей субъектность и получает импульс для своего развития и применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдые, П. (1993) Социология политики : пер. с фр. М. : Socio-Logos. 336 с.

Бурдые, П. (2001) Практический смысл : пер. с фр. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. Социологии ; Алетейя. 562 с.

Бурдые, П. (2005) Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии. 576 с.

Зейгарник, Б. В. (1981) Теория личности Курта Левина. М. : Изд-во Моск. ун-та. 117 с.

Левин, К. (2000) Теория поля в социальных науках : пер. с англ. СПб. : Речь. 365 с.

Левин, К. (2001) Динамическая психология: Избр. труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М. : Смысл. 572 с.

Луков, В. А. (2015) Метафоры как ключ к социологическому постижению мира // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 385–390.

Луков, В. А. (2017) Разделение наук о природе и наук о культуре в Баденской школе неокантианства и перспективы исследований молодежи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 5. С. 3–16. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/597> (дата обращения: 18.12.2017). DOI: 10.17805/ggz.2017.5.1

Луков, В. А. и др. (2012) Шекспирсфера (Шекспир, его современники, его эпоха в культуре повседневности) / В. А. Луков, Н. В. Захаров, Вл. А. Луков, Б. Н. Гайдин [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Lukov~Zakharov~Lukov~Gaydin~Shakespeare-sphere/> [архивировано в [WebCite](#)] (дата обращения: 18.12.2017).

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков, Вл. А. (2010) От шекспиризма к неошекспиризму: развитие культурной тенденции в XX веке // Шекспировские чтения 2010 / гл. ред. А. В. Бартошевич. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 404 с. С. 162–169.

Луков, Вл. А. (2012) Тезаурусный «парадокс Элиота» и понятие «взаимоотражение» в художественной культуре // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 26–33.

Луков, Вл. А. (2014) Концепция тезаурусных сфер // Знание.

Понимание. Умение. № 1. С. 307–326.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризация и шекспиризм // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 253–256.

Толстой, Л. Н. (1963) Собр. соч. : в 20 т. М. : Гос. изд-во худож. лит-ры. Т. 7: Война и мир. 495 с.

Тощенко, Ж. Т. (2005) Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека // Социологические исследования. № 6. С. 4–7.

Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Bokhorst-Heng, W. D., Silver, R. E. (2017) Contested spaces in policy enactment: A Bourdieusian analysis of language policy in Singapore // Language Policy. Vol. 16. Issue 3. P. 333–351.

Busemeyer, J. R., Diederich, A. (2002) Survey of decision field theory // Mathematical Social Sciences. Vol. 43. Issue 3. P. 345–370. DOI: 10.1016/S0165-4896(02)00016-1

Busemeyer, J. R. et al. (2006) Building bridges between neural models and complex decision making behaviour / J. R. Busemeyer, R. K. Jessup, J. G. Johnson, J. T. Townsend // Neural Networks. Vol. 19. No. 8. P. 1047–1058. DOI: 10.1016/j.neunet.2006.05.043

Busemeyer, J. R., Johnson, J. G. (2004) Computational models of decision making // Blackwell handbook of judgment and decision making / ed. by D. J. Koehler, N. Harvey. Oxford ; Malden, MA : Blackwell. xvi, 664 p. P. 133–154. DOI: 10.1002/9780470752937.ch7/

Busemeyer, J. R., Johnson, J. G. (2008) Micro-process models of decision making // The Cambridge handbook of computational psychology / ed. by R. Sun. Cambridge : Cambridge University Press. xii, 753 p. P. 302–321.

Busemeyer, J. R., Townsend, J. T. (1993) Decision Field Theory: A dynamic cognition approach to decision making // Psychological Review. No. 100. P. 432–459.

Cartwright, D. (1959) Studies in social power / Institute for Social Research, University of Michigan. Ann Arbor, MI. ix, 224 p.

Cassirer, E. (1994) Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik. 7., unveränd. Aufl. Berlin : WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft). 459 S.

Eva Lam, W. S. (2014) Literacy and capital in immigrant youths' online networks across countries // Learning, Media and Technology. Vol. 39. Issue 4. P. 488–506. DOI: 10.1080/17439884.2014.942665

Grenfell, M. J. et al. (2011) Bourdieu, language and linguistics / M. Grenfell with contributions from A. Blackledge, C. Hardy, S. May, R. Vann. L. ; N. Y. : Continuum. vi, 259 p.

Grenfell, M. (2012) Pierre Bourdieu: Key concepts. 2nd edn. Durham : Acumen. xi, 292 p.

Grenfell, M., Lebaron, F. (2014) Bourdieu and data analysis: Methodological principles and practice. Bern, Switzerland : Peter Lang AG. x, 333 p.

House, J. S. (1993) John R. P. French, Jr.: A Lewinian's Lewinian // Journal of Social Issues. Vol. 49. No. 4. P. 221–226.

Jenkins, R. (2002) Pierre Bourdieu. 2nd edn. L. ; N. Y. : Routledge. xxii, 190 p.

Lewin, K. (1917) Kriegslandschaft // Zeitschrift für Angewandte Psychologie. Bd. 12. S. 440–447.

Lewin, K. (1951) Field theory in social science : Selected theoretical papers / ed. by D. Cartwright. N. Y. : Harper and Brothers. xx, 346 p.

Zeigarnik, B. (1927) Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen // Psychologische Forschung. Bd. 9. S. 1–85.

Дата поступления: 18.12.2017 г.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, full member of the International Academy of Science (Innsbruck). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. Полевой и сферный подходы в гуманитарных науках [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 6. С. 3–15. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/637> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: 10.17805/ggz.2017.6.1